

БОЛГАРСКАЯ КНИГА

Николе Инджову

Люблю славянской речи
Я стрезень коренной.
Всё это недалече
И всё же за волной.

Златистожёлтый камень
Мерцает в глубине,
Искристосиний пламень
Мерещится на дне.

Шуми, гуляй, Марица!
В засушливые дни,
Державная царица,
Живой воды плесни!

И воскресает слово,
Свой замедляя бег,
И с берега родного
Я выхожу на берег.

* * *

И летище, и обиталище,
И вретище на жгучем зное,
И прикоснулось к сердцу жальще
Утраченное и родное.

Всех этих «ща» чурался Батюшков
С brezгливостью итальяниста,
Но от подводных этих камешков
Теченье речи золотисто.

И древлее словохранилище —
Твоё богатство и опора,
И неизбывна эта силища
Закованного Святогора.

* * *

Леса в горах сосново-буковые,
Перемежающийся бор
Славянскими поводит буквами,
Не вырубленными до сих пор.

Михаил Синельников родился в Ленинграде (1946). Известный московский поэт, автор 33 стихотворных сборников. Переводчик классической и современной поэзии Востока, исследователь литературы, автор сотен статей о поэзии, составитель хрестоматий и антологий, главный составитель десяти томной «Антологии русской поэзии». Академик Российской академии естественных наук и Петровской академии наук и искусств. Лауреат российских и иностранных премий. Стихи вошли в антологии русской поэзии XX в., переводились на многие языки. Переводил стихи Пенью Пенева и Николы Инжова.

Их многорукая глаголица,
В безгласных дебрях рождена,
Беснуясь, носится и молится,
Под ветром чертит имена.

* * *

Родимые буквы — Кирилл и Мефодий,
И хриплые дудки пастушских

рапсодий,

И строгость побудки, и топот овец,
И Мечников, пылкий певец
простокваши,

И свежая роза, и нет её краше,
И Плевна, и Шипка, и перца багрец.

И недоумение перед Востоком
Жестокостей злобных,
гаремных услад,

Заметное в Тырнове тысячеоком,
Бесчисленных окон
отчаянный взгляд.

РОЗЫ

Леонтьев прав: балканских княжеств
Непритязательный народ
Приземист, коренаст и кряжист,
И прост среди своих забот.

Мужиковатых, косолапых
Застольных шуток ритуал...
И всё же благовонный запах
Лукавство жизни пронизал.

Блуждая в мире чуждой прозы,
В такую роскошь вдруг вбегу —
Обыденные рдеют розы
На каждом, кажется, шагу.

СВЯТОЙ ВЛАСИЙ

Иконный лик Святого Власа...
Болгарин в ризе золотой,

Он — светлый здесь и седовласый,
И представительный святой.

И, нам Вторым завещан Римом,
Святитель полевых работ
Был на Руси высокочтимым
И охранял крестьянский скот.

А в той стране он звался Блезом,
Где мыслью дерзостной Паскаль
Рассек безверье, как железом,
Явив и веру, и печаль.

* * *

В монастыре скалистом исихастов,
Где лет пятьсот царила немота,
Всё разорили турки, тут пошастав,
И фрески стёрты, и стена пуста.

Подвижничество сметено пожаром,
И уж не стало для моления уст,
Но ведь полслова не сказали даром,
И воздух от несказанного густ.

Вот от всего осталось только Слово,
В него вселилась подземелья мгла.
И ангелы молчания благого
Над ним простёрли вещие крыла.

РАЗВАЛИНЫ

Оцепененье, оторопь и морок,
Обрывки фресок,
Но каждый камень уцелевший дорог,
Особо весок.

И сохранилась сила у развалин,
И баптистерий
Вдвойне могуч и вечно опечален
Своей потерей.

И обезглавленная колоннада
С широким нефом

